

Борис Акунин

Турецкий гамбит

Глава первая, в которой передовая женщина попадает в безвыходную ситуацию

«Ревю паризьен» (Париж),
14(2) июля 1877 г.

«Наш корреспондент, вот уже вторую неделю находящийся при русской Дунайской армии, сообщает, что вчерашним приказом от 1 июля (13 июля по европейскому стилю) император Александр благодарит свои победоносные войска, успешно форсировавшие Дунай и вторгшиеся в пределы Османского государства. В Высочайшем приказе сказано, что враг полностью сломлен и не далее как через две недели над Святой Софией в Константинополе будет установлен православный крест. Наступающая армия почти не встречает сопротивления, если не считать комариных укусов, которые наносят по русским коммуникациям летучие отряды так называемых башибузуков («бешеных голов») — полуразбойников-полупартизан, известных своим диким нравом и кровожадной свирепостью».

Женщина есть тварь хилая и ненадежная, сказал Блаженный Августин. Прав мракобес и женоненавистник, тысячу раз прав. Во всяком случае, в отношении одной особы по имени Варвара Суворова.

Начиналось, как веселое приключение, а закончилось вон чем. Так дуре и надо. Мама всегда повторяла, что Варя рано или поздно доиграется, вот она и доигралась.

А отец, большой мудрости и ангельского терпения человек, во время очередного бурного объяснения поделил жизненный путь дочери на три периода: чертенок в юбке; Божье наказание; полоумная нигилистка. До сегодняшнего дня Варя такой дефиницией гордилась и говорила, что останавливаться на достигнутом не собирается, но самонадеянность сыграла с ней злую шутку.

И зачем только она согласилась сделать остановку в корчме, или как у них тут называется этот гнусный притон? Возница, подлый вор Митко, начал ныть: «Да запоим конете, да запоим конете». Вот и напоили коней. Господи, что ж теперь делать-то...

Варя сидела в углу темного, заплыванного сарая, за неструганым дощатым столом и смертельно боялась. Такой тоскливый, безнадежный ужас она испытала только однажды, в шестилетнем возрасте, когда расколола любимую

бабушкину чашку и спряталась под диван, ожидая неминуемой кары.

Помолиться бы, но передовые женщины не молятся. А ситуация между тем выглядела совершенно безвыходной. Значит, так. Отрезок пути Петербург — Бухарест был преодолен быстро и даже с комфортом, скорый поезд (два классных вагона и десять платформ с орудиями) домчал Варю до столицы румынского княжества в три дня. Из-за карих глаз стриженной барышни, которая курила папиросы и принципиально не позволяла целовать руку, офицеры и военные чиновники, следовавшие к театру боевых действий, чуть не переубивали друг друга. На каждой остановке Варе несли букеты и лукошки с клубникой. Букеты она выбрасывала в окно, потому что пошлость, от клубники тоже вскоре пришлось отказаться, потому что пошла красная сыпь. Поездка получилась веселой и приятной, хотя в умственном и идейном отношении все кавалеры, разумеется, были совершеннейшими инфузориями. Один корнет, правда, читал Ламартина и даже слышал про Шопенгауэра, он и ухаживал тоньше, чем другие, но Вара по-товарищески объяснила ему, что едет к жениху, и после этого корнет вел себя безупречно. А собой был очень даже недурен, на Лермонтова похож. Да бог с ним, с корнетом.

Второй этап путешествия тоже прошел без

сучка без задоринки. От Букарешта до Турну-Мегуреле ходил дилижанс. Пришлось потрястись и поглотать пыли, но зато теперь до цели было рукой подать — по слухам, главная квартира Дунайской армии располагалась на том берегу реки, в Царевичах.

Теперь предстояло осуществить последнюю, самую ответственную часть Плана, разработанного еще в Петербурге (Варя так про себя и называла — План, с большой буквы). Вчера вечером, под покровом темноты, она переправилась на лодке через Дунай чуть повыше Зимницы, где тому две недели героическая 14-я дивизия генерала Драгомирова форсировала непреодолимую водную преграду. Отсюда начиналась турецкая территория, зона боевых действий, и запросто можно было попасться. По дорогам рыскали казачьи разъезды, чуть зазеваешься — и пиши пропало, в два счета отправят обратно в Букарешт. Но Варя, девушка находчивая, это предвидела и приняла меры.

В болгарской деревне, расположенной на южном берегу Дуная, очень кстати обнаружился постоянный двор. Дальше — лучше: хозяин понимал по-русски и обещал всего за пять рублей дать надежного водача, проводника. Варя купила широкие штаны вроде шальвар, рубаху, сапоги, куртку без рукавов и дурацкую суконную шапку, переделалась и разом превратилась из европейской

барышни в худенького болгарского подростка. Такой ни у какого разъезда подозрений не вызовет. Дорогу нарочно заказала кружную, в обход маршевых колонн, чтобы попасть в Царевицы не с севера, а с юга. Там, в главной армейской квартире, находился Петя Яблоков, Варин... собственно, не совсем понятно кто. Жених? Товарищ? Муж? Скажем так: бывший муж и будущий жених. Ну и, естественно, товарищ.

Выехали еще затемно на скрипучей, тряской каруце. Водач, сивоусый молчаливый Митко, без конца жевавший табак и сплевывавший на дорогу длинной бурой струей (Варю каждый раз передергивало), поначалу напевал что-то экзотически-балканское, потом умолк и крепко задумался — теперь-то понятно о чем.

Мог и убить, вздрогнув, подумала Варя. Или что-нибудь похуже. И очень просто — кто тут разбираться станет. Подумали бы на этих, как их, башибузуков.

Но и без убийства получилось скверно. Предатель Митко завел спутницу в корчму, более всего похожую на разбойничий притон, усадил за стол, велел подать сыру и кувшин вина, а сам повернул к двери, показав, мол, сейчас приду. Варя метнулась за ним, не желая оставаться в этом грязном, темном и зловонном вертепе, но Митко сказал, что ему необходимо отлучиться, ну, в

общем, по физиологической надобности. Когда Варя не поняла, пояснил жестом, и она, смутившись, вернулась на место.

Физиологическая надобность затянулась дольше всех мыслимых пределов. Варя немного поела соленого невкусного сыра, пригубила кислого вина, а потом, не выдержав внимания, которое начали проявлять к ее персоне жутковатые посетители питейного заведения, вышла во двор.

Вышла и обмерла.

Каруцы и след простыл. А в ней — чемодан с вещами. В чемодане дорожная аптечка. В аптечке, между корпией и бинтами, паспорт и все-все деньги.

Варя хотела выбежать на дорогу, но тут из корчмы выскочил хозяин, в красной рубахе, с багровым носом, с бородавками на щеке, сердито закричал, показал: сначала плати, потом уходи. Варя вернулась, потому что испугалась хозяина, а платить было нечем. Тихо села в угол и попыталась отнестись к случившемуся как к приключению. Не получилось.

В корчме не было ни одной женщины. Грязные, горластые крестьяне вели себя совсем не так, как русские мужики — те смирные и, пока не упьются, переговариваются вполголоса, а эти громко орали, пили кружками красное вино и постоянно заливались хищным (как показалось

Варе) хохотом. За дальним длинным столом играли в кости и после каждого броска шумно галдели. Раз забранились громче обычного, и одного, маленького, сильно пьяного ударили глиняной кружкой по голове. Так он и валялся под столом, никто даже не подошел.

Хозяин кивнул головой на Варю и смачно сказал что-то такое, отчего за соседними столами заборачивались и недобро загоготали. Варя поежилась и надвинула шапку на глаза. Больше в корчме никто в шапке не сидел. Но снять нельзя, волосы рассыпятся. Не такие уж они длинные — как и положено современной женщине, Варя стриглась коротко, — но все же сразу выдадут принадлежность к слабому полу. Гадкое, выдуманное мужчинами обозначение — «слабый пол». Но, увы, правильное.

Теперь на Варю пялились со всех сторон, и взгляды были клейкие, нехорошие. Только игрокам в кости было не до нее, да через стол, ближе к стойке, сидел спиной какой-то понурый, уткнувшись носом в кружку с вином. Видны были только стриженные черные волосы да седоватые виски.

Варе стало очень страшно. Не разнюнивайся, сказала она себе. Ты взрослая, сильная женщина, а не кисейная барышня. Надо сказать, что русская, что к жениху в армию. Мы — освободители

Болгарии, нам тут все рады. По-болгарски говорить просто, надо только ко всему прибавлять «та». Русская армията. Невестата. Невестата на русский солдат. Что-нибудь в этом роде.

Она обернулась к окну — а вдруг Митко объявится? Вдруг водил коней на водопой и теперь возвращается? Но ни Митко, ни каруцы на пыльной улице не было, зато Варя увидела такое, на что раньше не обратила внимания. Над домами торчал невысокий облупленный минарет. Ой! Неужто деревня мусульманская? Но ведь болгаре — христиане, православные, все это знают. Опять же, вино пьют, а мусульманам Коран запрещает. Но если деревня христианская, тогда в каком смысле минарет? А если мусульманская, то за кого они — за наших или за турок? Вряд ли за наших. Выходило, что «армията» не поможет.

Что же делать-то, Господи?

В четырнадцать лет на уроке Закона Божия Вареньке Суворовой пришла в голову неопровержимая в своей очевидности мысль — как только раньше никто не догадался. Если Бог сотворил Адама сначала, а Еву потом, то это свидетельствует вовсе не о том, что мужчины главнее, а о том, что женщины совершенней. Мужчина — пробный образец человека, эскиз, в то время как женщина — окончательно утвержденный вариант, исправленный и дополненный. Ведь это

яснее ясного! Но вся интересная, настоящая жизнь почему-то принадлежит мужчинам, а женщины только рожают и вышивают, рожают и вышивают. Почему такая несправедливость? Потому что мужчины сильнее. Значит, надо быть сильной.

И Варенька решила, что будет жить иначе. Вот в Американских Штатах уже есть и первая женщина-врач Мери Джейкоби, и первая женщина-священник Антуанетта Блеквелл, а в России все косность и домострой. Но ничего, дайте срок.

По окончании гимназии Варя, подобно Американским Штатам, провела победоносную войну за независимость (мягкотел оказался папенька, адвокат Суворов) и поступила на акушерские курсы, тем самым превратившись из «Божьего наказания» в «полоумную нигилистку».

С курсами не сложилось. Теоретическую часть Варенька одолела без труда, хотя многое в процессе создания человеческого существа показалось ей удивительным и невероятным, но когда довелось присутствовать на настоящих родах, произошел конфуз. Не выдержав истошных воплей роженицы и ужасного вида сплюснутой младенческой головки, что лезла из истерзанной, окровавленной плоти, Варя позорно бухнулась в обморок, и после этого оставалось только уйти на телеграфные курсы. Стать одной из первых русских

телеграфисток поначалу было лестно — про Варю даже написали в «Петербургских ведомостях» (номер от 28 ноября 1875 года, статья «Давно пора»), однако служба оказалась невыносимо скучной и без каких-либо видов на будущее.

И Варя, к облегчению родителей, уехала в тамбовское имение — но не бездельничать, а учить и воспитывать крестьянских детей. Там, в новенькой, пахнувшей сосновыми опилками школе и познакомилась она с петербургским студентом Петей Яблоковым. Петя преподавал арифметику, географию и основы естественных наук, Варя — все прочие дисциплины. Довольно скоро до крестьян дошло, что ни платы, ни прочих каких удовольствий от хождения в школу не будет, и детей разобрали по домам (нечего лоботрясничать, работать надо), но к тому времени у Вари и Пети уже возник проект дальнейшей жизни — свободной, современной, построенной на взаимоуважении и разумном распределении обязанностей.

С унижительной зависимостью от родительских подачек было покончено. На Выборгской сняли квартиру — с мышами, но зато в три комнаты. Чтобы жить, как Вера Павловна с Лопуховым: у каждого своя территория, а третья комната — для совместных бесед и приема гостей. Хозяевам назвались мужем и женой, но

сожительствовали исключительно по-товарищески: вечером читали, пили чай и разговаривали в общей гостиной, потом желали друг другу спокойной ночи и расходились по своим комнатам. Так прожили почти год, и славно прожили, вот уж воистину душа в душу, без пошлости и грязи. Петя ходил в университет и давал уроки, а Варя выучилась на стенографистку и зарабатывала до ста рублей в месяц. Вела протоколы в суде, записывала мемуары выжившего из ума генерала, покорителя Варшавы, а потом по рекомендации друзей попала стенографировать роман к Великому Писателю (обойдемся без имен, потому что закончилось некрасиво). К Великому Писателю Варя относилась с благоговением и брать плату решительно отказалась, ибо и так почитала за счастье, однако властитель дум понял ее отказ превратно. Он был ужасно старый, на шестом десятке, обремененный большим семейством и к тому же совсем некрасивый. Зато говорил красноречиво и убедительно, не поспоришь: действительно, невинность — смешной предрассудок, буржуазная мораль отвратительна, а в человеческом естестве нет ничего стыдного. Варя слушала, потом подолгу, часами советовалась с Петрушей, как быть. Петруша соглашался, что целомудрие и ханжество — оковы, навязанные женщине, но вступать с Великим Писателем в физиологические отношения

решительно не советовал.

Горячился, доказывал, что не такой уж он великий, хоть и с былыми заслугами, что многие передовые люди считают его реакционером. Закончилось, как уже было сказано выше, некрасиво. Однажды Великий Писатель, оборвав диктовку невероятной по силе фразы (Варя записывала со слезами на глазах), шумно задышал, зашмыгал носом, неловко обхватил русоволосую стенографистку за плечи и потащил к дивану. Какое-то время она терпела его невразумительные нашептывания и прикосновения трясущихся пальцев, которые совсем запутались в крючках и пуговках, потом вдруг отчетливо поняла — даже не поняла, а почувствовала: все это неправильно и случиться никак не может. Оттолкнула Великого Писателя, выбежала вон и больше не возвращалась.

Эта история плохо подействовала на Петю. Был март, весна началась рано, от Невы пахло простором и ледоходом, и Петя поставил ультиматум: так больше продолжаться не может, они созданы друг для друга, их отношения проверены временем. Оба живые люди, и нечего обманывать законы природы. Он, конечно, согласится на телесную любовь и без венца, но лучше пожениться по-настоящему, ибо это избавит от многих сложностей. И как-то так ловко повернул, что далее дискутировалось лишь одно —

в каком браке жить — гражданском или церковном. Споры продолжались до апреля, а в апреле началась долгожданная война за освобождение славянских братьев, и Петя Яблоков как порядочный человек отправился волонтером. Перед отъездом Варя пообещала ему две вещи: что скоро даст окончательный ответ и что воевать они будут непременно вместе — уж она что-нибудь придумает.

И придумала. Не сразу, но придумала. Устроиться сестрой во временно-военный госпиталь или в походный лазарет не удалось — незаконченные акушерские курсы Варю не засчитали. Женщин-телеграфисток в действующую армию не брали. Варя совсем было впала в отчаяние, но тут из Румынии пришло письмо: Петя жаловался, что в пехоту его не пустили по причине плоскостопия, а оставили при штабе главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича, ибо вольноопределяющийся Яблоков — математик, а в армии отчаянно не хватает шифровальщиков.

Ну уж пристроиться на какую-нибудь Службу при главной квартире или, на худой конец, просто затеряться в тыловой суতোлке будет нетрудно, решила Варя и немедленно составила План, который на первых двух этапах был чудо как хорош, а на третьем завершился катастрофой.

Между тем приближалась развязка. Багровоносый хозяин буркнул что-то угрожающее и, вытирая руки серым полотенцем, вразвалочку направился к Варе, очень похожий в своей красной рубахе на подходящего к плахе палача. Стало сухо во рту и слегка затошнило. Может, прикинуться глухонемой? То есть глухонемым.

Понурый, что сидел спиной, неспешно поднялся, подошел к Вариному столу и молча сел напротив. Она увидела бледное и, несмотря на седоватые виски, очень молодое, почти мальчишеское лицо с холодными голубыми глазами, тонкими усиками, неулыбчивым ртом. Странное было лицо, совсем не такое, как у остальных крестьян, хотя одет незнакомец был так же, как они — разве что куртка поновей да рубаха почище.

На подошедшего хозяина голубоглазый даже не оглянулся, только пренебрежительно махнул, и грозный палач немедленно ретировался за стойку. Но спокойнее от этого Варе не стало. Наоборот, вот сейчас самое страшное и начнется.

Она наморщила лоб, приготовившись услышать чужую речь. Лучше не говорить, а кивать и мотать головой. Только бы не забыть — у болгар все наоборот: когда киваешь, это значит «нет», когда качаешь головой, это значит «да».

Но голубоглазый ни о чем спрашивать не

стал. Удрученно вздохнул и, слегка заикаясь, сказал на чистом русском:

— Эх, м-мадемуазель, лучше дожидались бы жениха дома. Тут вам не роман Майн Рида. Скверно могло закончиться.

Глава вторая, в которой появляется много интересных мужчин

**«Русский инвалид» (Санкт-Петербург),
2(14) июля 1877 г.**

«...После заключения перемирия между Портой и Сербией многие патриоты славянского дела, доблестные витязи земли русской, служившие добровольцами под водительством храброго генерала Черняева, устремились на зов Царя-Освободителя и, рискуя жизнью, пробираются через дикие горы и темные леса на болгарскую землю, дабы воссоединиться с православным воинством и завершить долгожданную победою свой святой ратный подвиг».

До Вари смысл сказанного дошел не сразу. По инерции она сначала кивнула, потом покачала головой и лишь после этого остолбенело разинула рот.

— Не удивляйтесь, — скучным голосом промолвил странный крестьянин. — То, что вы д-девица, видно сразу — вон у вас прядь из-под шапки вылезла. Это раз. (Варя воровато подобрала предательский локон.) То, что вы русская, тоже очевидно: вздернутый нос, великорусский рисунок скул, русые волосы, и г-главное — отсутствие загара. Это два. Насчет жениха тоже просто: п-пробираетесь тайком — стало быть, по приватному интересу. А какой у девицы вашего возраста может быть приватный интерес в действующей армии? Только романтический. Это три. Т-теперь четыре: тот усач, что привел вас сюда, а потом исчез, — ваш проводник? И деньги, конечно, были спрятаны среди вещей? Г-глупо. Все важное нужно держать п-при себе. Вас как зовут?

— Суворова Варя. Варвара Андреевна, — испуганно прошептала Варя. — Вы кто? Вы откуда?

— Эраст Петрович Фандорин. Сербский волонтер. Возвращаюсь из т-турецкого плена.

Слава богу, а то уж Варя решила, не галлюцинация ли. Сербский волонтер! Из турецкого плена! Она почтительно взглянула на седые виски и, не удержавшись, спросила, да еще пальцем неделикатно показала:

— Это вас там мучили, да? Я читала про ужасы турецкого плена. И заикание, наверное, тоже

от этого.

Эраст Петрович Фандорин насупился, ответил неохотно:

— Никто меня не мучил. С утра до вечера п-поили кофеем и разговаривали исключительно по-французски. Жил на положении гостя у видинского к-каймакама.

— У кого? — не поняла Варя.

— Видин — это город на румынской границе. А каймакам — губернатор. Что же д-до заикания, то это следствие давней контузии.

— Бежали, да? — с завистью спросила она. — Пробираетесь в действующую армию, чтобы повоевать?

— Нет. Повоевал предостаточно.

Должно быть, на лице Вари отразилось крайнее недоумение. Во всяком случае, волонтер счел нужным присовокупить:

— Война, Варвара Андреевна, — ужасная гадость. На ней не б-бывает ни правых, ни виноватых. А хорошие и плохие есть с обеих сторон. Только хороших обычно убивают п-первыми.

— Зачем же вы тогда отправились добровольцем в Сербию? — запальчиво спросила она. — Ведь вас никто не гнал?

— Из эгоистических соображений. Был болен, нуждался в лечении.

Варя удивилась:

— Разве на войне лечат?

— Да. Вид чужой б-боли позволяет легче переносить свою. Я попал на фронт за две недели до разгрома армии Черняева. А потом еще вдосталь набродился по горам, настрелялся. Слава богу, к-кажется, ни в кого не попал.

Не то интересничает, не то просто циник, с некоторым раздражением подумала Варя и язвительно заметила:

— Ну и сидели бы у своего макама до конца войны. Зачем было бежать?

— Я не бежал. Юсуф-паша меня отпустил.

— А что же вас в Болгарию понесло?

— Есть дело, — коротко ответил Фандорин. — Вы, с-собственно, куда направлялись?

— В Царевницы, в штаб главнокомандующего. А вы?

— В Белу. По слухам, там ставка его в-величества. — Волонтер помолчал, недовольно пошевелил тонкими бровями, вздохнул. — Но можно и к главнокомандующему.

— Правда? — обрадовалась Варя. — Ой, давайте вместе, а? Я просто не знаю, что бы делала, если б вас не встретила.

— П-пустяки. Велели бы хозяину отвезти вас в расположение ближайшей русской части, да и

дело с концом.

— Велела бы? Хозяину корчмы? — боязливо спросила Варя.

— Это не корчма, а механа.

— Пускай механа. Но деревня ведь мусульманская?

— Мусульманская.

— Так они выдали бы меня туркам!

— Не хочу вас обижать, Варвара Андреевна, но для турок вы не представляете ни малейшего интереса, а вот от вашего жениха хозяину непременно б-была бы награда.

— Я уж лучше с вами, — взмолилась Варя. — Ну пожалуйста!

— У меня одна кляча, причем полудохлая. На такую вдвоем не сядешь. Д-денег три куруша. За вино и сыр расплатиться хватит, но не более... Нужна еще лошадь или хотя бы осел. А это по меньшей мере сотня.

Варин новый знакомый замолчал и, что-то прикидывая, оглянулся на игроков в кости. Снова тяжело вздохнул.

— Посидите тут. Я сейчас.

Он медленно подошел к играющим, минут пять стоял возле стола, наблюдая. Потом сказал что-то такое (Варя не слышала), от чего все разом перестали кидать кости и обернулись к нему. Фандорин показал на Варю, и она заерзала на

скамье под устремленными на нее взглядами. Потом грянул дружный хохот — явно скабресный и для Вари оскорбительный, но Фандорин и не подумал заступиться за честь дамы. Вместо этого он пожал руку какому-то усатому толстяку и уселся на скамью. Прочие дали ему место, а вокруг стола сразу же собралась кучка любопытствующих.

Итак, волонтер, кажется, затеял игру. Но на какие деньги? На три куруша? Долго же ему придется играть, чтобы выиграть лошадь. Варя забеспокоилась, сообразив, что доверилась человеку, которого совсем не знает. Выглядит странно, странно говорит, странно поступает... С другой стороны, разве у нее есть выбор?

В толпе зевак зашумели — это кинул кости толстяк. Потом рассыпчато застучало еще раз, и стены дрогнули от дружного вопля.

— Д-дванадесет, — спокойно объявил Фандорин и встал. — Где магарето?

Толстяк тоже вскочил, схватил волонтера за рукав и быстро заговорил что-то, отчаянно пуча глаза.

Он все повторял:

— Оште ветнаж, оште ветнаж!

Фандорин выслушал и решительно кивнул, но проигравшего его покладистость почему-то не устроила. Он заорал громче прежнего, замахал руками. Фандорин снова кивнул, еще решительней,

и тут Варя вспомнила про болгарский парадокс: когда киваешь, это значит «нет».

Тогда неудачник вознамерился перейти от слов к действиям — он широко размахнулся, и зеваки шарахнулись в стороны, однако Эраст Петрович не шелохнулся, лишь его правая рука как бы ненароком нырнула в карман. Жест был почти неприметный, но на толстяка подействовал магически. Он разом сник, всхлипнул и буркнул что-то жалкое. На сей раз Фандорич помотал головой, бросил оказавшемуся тут же хозяину пару монет и направился к выходу. На Варю он, даже не взглянул, но она в приглашении не нуждалась — сорвалась с места и моментально оказалась рядом со своим спасителем.

— Второй от к-края, — сосредоточенно прищурился Эраст Петрович, останавливаясь на крыльце.

Варя проследила за направлением его взгляда и увидела у коновязи целую шеренгу лошадей, ослов и мулов, мирно хрупавших сено.

— Вон он, ваш б-буцефал, — показал волонтер на бурого ишачка. — Неказист, зато падать невысоко.

— Вы его что, выиграла? — сообразила Варя.

Фандорин молча кивнул, отвязывая тощую сивую кобылу.

Он помог спутнице сесть в деревянное седло,

довольно ловко запрыгнул на свою сивку, и они выехали на деревенскую улицу, ярко освещенную полуденным солнцем.

— Далеко до Царевец? — спросила Варя, трясаясь в такт мелким шажкам своего мохнатоухого транспортного средства.

— Если не з-заплутаем, к ночи доберемся, — величественно ответил сверху всадник.

Совсем отуречился в плену, сердито подумала Варя. Мог бы даму на лошадь посадить. Типично мужской нарциссизм. Павлин! Селезень! Только бы перед серой уточкой покрасоваться. И так бог знает на кого похожа, а тут еще изображай Санчо Пансу при Рыцаре Печального Образа.

— А что у вас в кармане? — вспомнила она. — Пистолет, да?

Фандорин удивился:

— В каком кармане? Ах, в к-кармане. К сожалению, ничего.

— Ну, а вдруг он не испугался бы?

— С тем, кто не испугался бы, я бы не сел играть.

— Но как же вы смогли выиграть осла с одного раза? — любопытствовала Варя. — Неужто тот человек поставил осла против трех курушей?

— Нет, конечно.

— На что же вы играли?

— На вас, — невозмутимо ответил Фандорин. — Девушка против осла — это выгодная ставка. Вы уж п-простите великодушно, Варвара Андреевна, но другого выхода не было.

— Простить?! — Варя так качнулась в седле, что едва не съехала на сторону. — А если бы вы проиграли?!

— У меня, Варвара Андреевна, есть одно странное свойство. Я т-терпеть не могу азартных игр, но когда приходится играть, неизменно выигрываю. *Les caprices de la f-fortune.*¹ Я и свободу у видинского паши в нарды выиграл.

Варя не знала, что сказать на это легкомысленное заявление, и решила смертельно обидеться. Поэтому дальше ехали молча.

Варварское седло, орудие пытки, доставляло Варе массу неудобств, но она терпела, время от времени меняя центр тяжести.

— Жестко? — спросил Фандорин. — Хотите п-подложить мою куртку?

Варя не ответила, потому что, во-первых, предложение показалось ей не вполне приличным, а во-вторых, из принципа.

Дорога долго петляла меж невысоких лесистых холмов, потом спустилась на равнину. За

¹ Прихоти фортуны (*фр.*)

все время путникам никто не встретился, и это начинало тревожить. Варя несколько раз искоса взглядывала на Фандорина, но тот, чурбан, сохранял полнейшую невозмутимость и больше вступать в разговор не пытался.

Однако хорошо же она будет выглядеть, явившись в Царевницы в таком наряде. Ну, Пете, положим, все равно, ему хоть в мешковину нарядись — не заметит, но ведь там штаб, целое общество. Заявишься таким чучелом... Варя сдернула шапку, провела рукой по волосам и совсем расстроилась. Волосы и так были не особенно — того тусклого, мышиноного оттенка, который называют русым, да еще от маскарада спутались, повисли космами. Последний раз вымыты третьего дня, в Бухаресте. Нет, лучше уж в шапке. Зато наряд болгарского крестьянина совсем неплох — практичен и по-своему эффектен. Шальвары чем-то напоминают знаменитые «блумеры», в которых некогда ходили английские суфражистки, сражаясь с нелепыми и унижительными панталонами и нижними юбками. Если б перехватить по талии широким алым поясом, как в «Похищении из сераля» (прошлой осенью слушали с Петей в Мариинке), было бы даже живописно.

Внезапно размышления Варвары Андреевны были прерваны самым бесцеремонным образом.

Наклонившись, волонтер схватил ишака под уздцы, глупое животное резко остановилось, и Варя чуть не перелетела через ушастую башку.

— Вы что, с ума сошли?!

— Теперь что бы ни случилось, молчите, — негромко и очень серьезно сказал Фандорин, глядя куда-то вперед.

Варя подняла голову и увидела, что навстречу, окутанный облаком пыли, бесформенной толпой движется отряд всадников — пожалуй, человек двадцать. Видно было мохнатые шапки, солнечные звездочки ярко вспыхивали на газырях, сбруе, оружии. Один из конников ехал впереди, и Варя разглядела зеленый лоскут, обмотанный вокруг папахи.

— Это кто, башибузуки? — звонко спросила Варя, и голос ее дрогнул. — Что же теперь будет? Мы пропали? Они нас убьют?

— Если будете молчать, вряд ли, — как-то не очень уверенно ответил Фандорин. — Ваша неожиданная разговорчивость некстати.

Он совершенно перестал заикаться, и от этого Варе сделалось совсем не по себе.

Эраст Петрович снова взял осла под уздцы, отъехал на обочину и, нахлобучив Варю шапку на самые глаза, шепнул:

— Смотрите под ноги и ни звука.

Но она не удержалась — кинула исподлобья

взгляд на знаменитых головорезов, про которых второй год писали все газеты.

Тот, что ехал впереди (наверное, бек), был с рыжей бородой, в драном и грязном бешмете, но с серебряным оружием. Он проехал мимо, даже не взглянув на жалких крестьян. Зато его банда держалась попроще. Несколько конных остановились возле Вари и Фандорина, гортанно о чем-то переговариваясь. Физиономии у башибузуков были такие, что Варваре Андреевне захотелось зажмуриться — она и не подозревала, что у людей могут быть подобные личины. Внезапно среди этих кошмарных рож она увидела самое что ни на есть обыкновенное человеческое лицо. Оно было бледным, с заплывшим от кровоподтека глазом, но зато второй глаз, карий и полный смертельной тоски, смотрел прямо на нее.

Среди разбойников задом наперед сидел в седле русский офицер в пыльном, изодранном мундире. Руки его были скручены за спиной, на шее почему-то висели пустые ножны от шашки, а в углу рта запеклась кровь. Варя закусила губу, чтобы не вскрикнуть, и, не выдержав безнадежности, читавшейся во взгляде пленного, опустила глаза. Но крик, а точнее, истерический всхлип, все-таки вырвался из ее пересохшего от страха горла — у одного из бандитов к луке седла была приторочена светловолосая человеческая

голова с длинными усами. Фандорин крепко стиснул Варю локоть и коротко сказал что-то по-турецки — она разобрала слова «Юсуф-паша» и «каймакам», но на разбойников это не подействовало. Один, с острой бородой и огромным кривым носом, задрал фандоринской кобыле верхнюю губу, обнажив длинные гнилые зубы. Пренебрежительно сплюнул и сказал что-то, от чего остальные засмеялись. Потом хлестнул клячу нагайкой по крупу, и та испуганно метнулась в сторону, сразу перейдя на неровную рысь. Варя ударила осла каблуками в раздутые бока и затрусилась следом, боясь поверить, что опасность миновала. Все так и плыло вокруг, кошмарная голова со страдальчески закрытыми глазами и запекшейся кровью в углах рта не давала Варю покоя. Головорезы — это те, кто режут головы, вертелась в голове нелепая, полуобморочная фраза.

— Пожалуйста, без обморока, — тихо сказал Фандорин. — Они могут вернуться.

И ведь накаркал. Минуту спустя сзади раздался приближающийся стук копыт.

Эраст Петрович оглянулся и шепнул:

— Не оборачивайтесь, в-перед.

А Варя взяла и все-таки обернулась, только лучше бы она этого не делала. От башибузуков они успели отъехать шагов на двести, но один из всадников — тот самый, при отрезанной голове, —

скакал обратно, быстро нагоняя, и страшный трофей весело колотился по крупу его коня.

Варя в отчаянии взглянула на своего спутника. Тот, похоже, утратил всегдашнее хладнокровие — запрокинув голову, нервно пил воду из большой медной фляги.

Проклятый ишак меланхолично перебирал ногами, никак не желая ускорить шаг. Еще через минуту стремительный всадник поравнялся с безоружными путниками и вздыбил горячащегося гнедого коня. Перегнувшись, башибузук сдернул с Вариной головы шапку и хищно расхохотался, когда рассыпались высвобожденные русые волосы.

— Гого! — крикнул он, сверкнув белыми зубами.

Мрачно-сосредоточенный Эраст Петрович быстрым движением левой руки сдернул с головы разбойника косматую папаху и с размаху ударил его тяжелой флягой по бритому затылку. Раздался тошнотворно-сочный звук, во фляге булькнуло, и башибузук свалился в пыль.

— Осла к черту! Дайте руку. В седло. Гоните во весь дух. Не оборачивайтесь, — рубленой скороговоркой отчеканил Фандорин, опять перестав заикаться.

Он помог онемевшей Варе сесть на гнедого, выдернул из седельного чехла ружье, и они понеслись вскачь.

Разбойничий конь сразу же вырвался вперед, и Варя втянула голову в плечи, боясь, что не удержится. В ушах свистело, левая нога некстати выскочила из слишком длинного стремени, сзади грохотали выстрелы, что-то тяжелое больно стучало по правому бедру.

Варя мельком посмотрела вниз, увидела пляшущую пятнистую голову и, сдавленно вскрикнув, выпустила поводья, чего делать ни в коем случае не следовало.

В следующий миг она вылетела из седла, описала в воздухе дугу, и ухнулась во что-то зеленое, мягкое, хрустящее — в придорожный куст.

Тут бы в самый раз лишиться сознания, но почему-то не получилось. Варя сидела на траве, держась за оцарапанную щеку, а вокруг качались обломанные ветки.

На дороге тем временем происходило вот что, Фандорин лупил прикладом несчастную клячу, которая старалась как могла, выбрасывая вперед мосластые ноги. До куста, где сидела оглушенная падением Варя, оставалось всего ничего, а сзади, в какой-нибудь сотне шагов, громыхая выстрелами, катилась свора преследователей — не меньше десятка. Внезапно сивая кобыла сбилась с аллюра, жалостно мотнула башкой, пошла бочком, бочком и плавно завалилась, придавив всаднику ногу. Варя ахнула. Фандорин кое-как вылез из-под сияющейся

встать лошади и выпрямился во весь рост. Оглянулся на Варю, вскинул ружье и стал целиться в башибузуков.

Стрелять он не спешил, целился как следует, и его поза выглядела столь внушительно, что никто из разбойников первым лезть под пулю не захотел, — отряд рассыпался с дороги по лугу, охватывая беглецов полукругом. Выстрелы стихли, и Варя догадалась: хотят взять живьем.

Фандорин пятился по дороге, наводя ружье то на одного всадника, то на другого. Расстояние понемногу сокращалось. Когда волонтер почти поравнялся с кустом, Варя крикнула:

— Стреляйте, что же вы!

Не оглядываясь, Эраст Петрович процедил:

— У этого партизана ружье не заряжено.

Варя посмотрела налево (там были башибузуки), направо (там тоже маячили конные в папах), оглянулась назад — и сквозь негустые заросли увидела нечто примечательное.

По лугу галопом неслись всадники; впереди, на мощном вороном жеребце, по-жокейски оттопырив локти, скакал, а точнее, летел по воздуху некто в широкополой американской шляпе; следом догонял иноходью белый мундир с золотыми плечами; потом дружной стаей поспешал на рысях десяток кубанских казаков, а позади всех, порядочно отстав, подпрыгивал в седле какой-то

несусветный господин в котелке и длинном рединготе.

Варя смотрела на диковинную кавалькаду как замороженная, а казаки тем временем засвистали и заулюлюкали. Башибузуки тоже загалдели и сбились в кучку — к ним на выручку торопились остальные во главе с рыжебородым беком. Про Варю и Фандорина эти ужасные люди забыли, им теперь было не до них.

Назревала рубка. Варя вертела головой то туда, то сюда, забыв об опасности, — зрелище было страшным и красивым.

Но бой закончился, едва начавшись. Всадник в американской шляпе (он теперь был совсем близко, и Варя разглядела загорелое лицо, бородку a-la Louis-Napoleon² и подкрученные пшеничные усы) натянул поводья, замер на месте, и в руке у него откуда ни возьмись появился длинноствольный пистолет. Пистолет — дах! дах! — выплюнул два сердитых облачка, и бек в драном бешмете закачался в седле, словно пьяный, и стал валиться на сторону. Один из башибузуков подхватил его, перекинул через холку своего коня, и вся орава, не вступая в бой, стала уходить.

Мимо Вари и устало опирающегося на

² как у Луи-Наполеона (*фр.*)

бесполезное ружье Фандорина вереницей пронесли и волшебный стрелок, и всадник в белоснежном мундире (на плече блеснул золотом генеральский погон), и ощетинившиеся пиками казаки.

— Там пленный офицер! — крикнул им вслед волонтер.

Тем временем неспешно подъехал последний из чудесной кавалькады, цивильный господин, и остановился — погоня его, судя по всему, не привлекала.

Круглые светлые глаза поверх очков участливо воззрились на спасенных.

— Чэтники? — спросил цивильный с сильным английским акцентом.

— Ноу, сэр, — ответил Фандорин и добавил еще что-то на том же языке, но Варя не поняла, ибо в гимназии учила французский и немецкий.

Она нетерпеливо дернула волонтера за рукав, и тот виновато пояснил:

— Я г-говорю, что мы не четники, а русские и пробираемся к своим.

— Кто такие четники?

— Болгарские повстанцы.

— О-о, ви дама? — на мясистом добродушном лице англичанина отразилось изумление. — Однако какой мэскарад! Я не знал, что русские ползуют дженщин для эспианаж. Ви хироуиня, мэдам. Как

вас зовут? Это будет отчет интересно для моих читателей.

Он извлек из походной сумки блокнот, и Варя только теперь разглядела у него на рукаве трехцветную повязку с номером 48 и надписью «корреспондент».

— Я — Варвара Андреевна Суворова и ни в каком «эспиажаже» не участвую. У меня в штабе жених, — с достоинством сказала она. — А это мой спутник, сербский волонтер Эраст Петрович Фандорин.

Корреспондент сконфуженно сдернул котелок и перешел на французский:

— Прошу прощения, мадемуазель. Шеймас Маклафлин, сотрудник лондонской газеты «Дейли пост».

— Тот самый англичанин, который писал про турецкие зверства в Болгарии? — спросила Варя, снимая шапку и кое-как приводя в порядок волосы.

— Ирландец, — строго поправил Маклафлин. — Это совсем не одно и то же.

— А они кто? — Варя кивнула в ту сторону, где клубилось пыльное облако и гремели выстрелы. — В шляпе — кто?

— Этот несравненный ковбой — сам мсье д'Эвре, блестящее перо, любимец французских читателей и козырной туз газеты «Ревю паризьен».

— «Ревю паризьен»?

— Да, это парижская ежедневная газета. Тираж — сто пятьдесят тысяч, что для Франции невероятно много, — пренебрежительно пояснил корреспондент. — Но у моей «Дейли пост» ежедневно продается двести сорок тысяч номеров, так-то.

Варя помотала головой, чтоб волосы легли получше, и принялась рукавом стирать пыль с лица.

— Ах, сударь, вы подросли как нельзя более кстати. Вас послало само провидение.

— Нас притащил сюда Мишель, — пожал плечами британец, а точнее, ирландец. — Он остался не у дел, приписан к штабу и бесится от безделья. Сегодня утром башибузуки немного пошалили в русском тылу, и Мишель лично кинулся в погоню. А я и д'Эвре при нем вроде болонок — куда он, туда и мы. Во-первых, мы старые приятели, еще с Туркестана, а во-вторых, где Мишель, там обязательно найдется хороший сюжет для статьи... А, вон они возвращаются, и, конечно, как говорят русские, *ne solono khlebavshi*.

— Почему «конечно»? — спросила Варя.

Корреспондент снисходительно улыбнулся и промолчал, за него ответил Фандорин, до сей поры участия в разговоре почти не принимавший:

— Вы же видели, мадемуазель, что у б-башибузуков кони свежие, а у преследователей замороженные.

— Absolutely so,³ — кивнул Маклафлин.

Варя недобро покосилась на обоих: ишь стакнулись, только бы выставить женщину дурой. Однако Фандорин тут же заслужил прощение — вынул из кармана на удивление чистый платок и приложил к Вариной щеке. Ох, а про царапину-то она и забыла!

Корреспондент ошибся, заявив, что преследователи возвращаются не солоно хлебавши — Варя с радостью увидела, что пленного офицера они все-таки отбили: двое казаков за руки и за ноги везли обмякшее тело в черном мундире. Или, не дай бог, убит?

Впереди на сей раз ехал франт, которого британец назвал Мишелем. Это был молодой генерал с веселыми синими глазами и особенной бородой — холеной, пушистой и расчесанной в стороны на манер крыльев.

— Ушли, мерзавцы! — издали крикнул он и присовокупил выражение, смысл которого Варя не вполне поняла.

— There's a lady here,⁴ — погрозил пальцем Маклафлин, сняв котелок и вытирая розовую

³ Абсолютно так (англ .)

⁴ Здесь дама (англ .)

лысину.

Генерал приосанился, взглянул на Варю, но тут же поскуичнел, что было и понятно: немывые волосы, царапина, нелепый наряд.

— Свиты его императорского величества генерал-майор Соболев-второй, — представился Мишель и вопросительно взглянул на Фандорина.

Но раздосадованная Генераловым равнодушием Варя дерзко спросила:

— Второй? А кто же первый?

Соболев удивился:

— Как кто? Мой батюшка, генерал-лейтенант Дмитрий Иванович Соболев, командир Кавказской казачьей дивизии. Неужто не слыхали?

— Нет. Ни про него, ни про вас, — отрезала Варя и соврала, потому что про Соболева-второго, героя Туркестана, покорителя Хивы и Махрама, знала вся Россия.

Говорили про генерала разное. Одни превозносили его как несравненного храбреца, рыцаря без страха и упрека, называли будущим Суворовым и даже Бонапартом, другие ругали позером и честолюбцем. В газетах писали про то, как Соболев в одиночку отбилсЯ от целой орды текинцев, получил семь ран, но не отступил; как с маленьким отрядом пересек мертвую пустыню и разгромил вдсятеро превосходящее войско грозного Абдурахман-Бека, а кое-кто из Вариных

знакомых пересказывал слухи совсем иного рода — про расстрел заложников и еще что-то такое про похищенную кокандскую казну.

Глядя в ясные глаза красавца-генерала, Варя поняла: про семь ран и Абдурахман-бека — чистая правда, а про заложников и ханскую казну — ерунда и наветы завистников.

Тем более что и Соболев вновь стал приглядываться к Варе и, кажется, на сей раз усмотрел в ней нечто интересное.

— Но какими судьбами, сударыня, вы здесь, где льется кровь? И в этом костюме! Я заинтригован.

Варя назвалась и коротко рассказала о своих приключениях, чувствуя безошибочным инстинктом, что Соболев ее не выдаст и в Букарешт под конвоем не отправит.

— Завидую вашему жениху, Варвара Андреевна, — молвил генерал, лаская Варю взглядом. — Вы незаурядная девица. Однако позвольте представить моих товарищей. С мистером Маклафлином вы, по-моему, уже познакомились, а это мой ординарец Сережа Верещагин, брат того самого Верещагина, художника. (Варе смущенно поклонился худенький миловидный юноша в казачьей черкеске.) Между прочим, и сам отличный рисовальщик. На Дунае во время разведки так турецкие позиции изобразил —

просто заглядение. А где д'Эвре? Эй, Эвре, давайте-ка сюда, я представлю вас интересной даме.

Варя с любопытством смотрела на француза, который подъехал последним. Француз (на рукаве повязка «Корреспондентъ № 32») был чудо как хорош, в своем роде не хуже Соболева: тонкий, с горбинкой, нос, подкрученные светлые усы с маленькой рыжеватой эспаньолкой, умные серые глаза. Глаза, впрочем, смотрели сердито.

— Эти негодяи — позор турецкой армии! — горячо воскликнул журналист по-французски. — Только мирных жителей резать хороши, а чуть бой — сразу в кусты. На месте Керим-паши я бы их всех разоружил и перевешал!

— Успокойтесь, храбрый шевалье, здесь дама, — насмешливо прервал его Маклафлин. — Вам повезло — вы предстали перед ней романтическим героем, так не теряйтесь. Вон как она на вас смотрит.

Варя вспыхнула и метнула на ирландца сердитый взгляд, но Маклафлин лишь добродушно расхохотался. Зато Д'Эвре повел себя, как подобает истинному французу, — спешился и поклонился.

— Шарль д'Эвре, к вашим услугам, мадемуазель.

— Варвара Суворова, — приветливо сказала она. — Рада с вами познакомиться. И спасибо всем

вам, господа. Вы появились вовремя.

— А позвольте узнать ваше имя — спросил д'Эвре, с любопытством взглянув на Фандорина.

— Эраст Фандорин, — ответил волонтер, впрочем, смотря не на француза, а на Соболева. — Воевал в Сербии, а теперь направляюсь в г-главный штаб с важным сообщением.

Генерал оглядел Фандорина с головы до ног. Уважительно поинтересовался:

— Поди, хлебнули горя? Чем занимались до Сербии?

Поколебавшись, Эраст Петрович сказал:

— Числился по министерству иностранных дел. Титулярный советник.

Это было неожиданно. Дипломат? По правде говоря, новые впечатления несколько ослабили изрядный (что уж скрывать) эффект, произведенный на Варю ее немногословным спутником, однако теперь она вновь им залюбовалась. Дипломат, отправившийся добровольцем на войну, — это, согласитесь, нечасто бывает. Нет, определенно, все трое были замечательно хороши, каждый по-своему: и Фандорин, и Соболев, и д'Эвре.

— Что за сообщение? — нахмурился Соболев.

Фандорин замялся, явно не желая говорить.

— Да бросьте разводить тайны Мадридского двора, — прикрикнул на него генерал. — Это в

конце концов невежливо по отношению к вашим спасителям.

Волонтер все же понизил голос, и корреспонденты наострили уши.

— Я пробираюсь из Видина, г-господин генерал. Осман-паша три дня назад выступил с корпусом по направлению к П-плевне.

— Что за Осман? Что за Плевна?

— Осман Нури-паша — лучший полководец турецкой армии, победитель сербов. Ему всего сорок пять, а он уже м-мушир, то есть фельдмаршал. И солдаты у него — не чета тем, что стояли на Дунае. А Плевна — маленький городок в т-тридцати верстах к западу отсюда. Нужно опередить пашу и занять этот стратегически важный п-пункт. Он прикрывает дорогу на Софию.

Соболев хлопнул ладонью по колену — его конь нервно переступил с ноги на ногу.

— Эх, мне бы хоть полк! Но я, Фандорин, не у дел. Вам надо в штаб, к главнокомандующему. Я должен закончить рекогносцировку, а вам выделю конвой до Царевниц. Вечером милости прошу в гости, Варвара Андреевна. В шатре у господ корреспондентов бывает весело.

— С удовольствием, — сказала Варя и боязливо посмотрела в сторону — туда, где положили на траву пленного офицера. Двое казаков присели рядом на корточках и что-то с ним делали.

— Тот офицер мертвый, да? — шепотом спросила Варя.

— Живехонек, — ответил генерал. — Повезло чертяке, теперь сто лет проживет. Когда мы башибузукам на хвост сели, они ему пулю в голову, и наутек. А пуля — она, как известно, дура. Прошла по касательной, только лоскут кожи сорвала. Ну что, братцы, перевязали капитана? — громко крикнул он казакам.

Те помогли офицеру подняться. Он покачнулся, но устоял на ногах, а казаков, хотевших поддержать за локти, упрямо оттолкнул. Сделал несколько дерганных шагов на неверных, того и гляди подломятся, ногам и, вытянув руки по швам, прохрипел:

— Ге... генерального штаба капитан Еремей Перепелкин, ваше превосходительство. Следовал из Зимницы к месту службы, в штаб Западного отряда. Назначен в оперативный отдел к генерал-лейтенанту Криденеру. По дороге был атакован отрядом вражеской иррегулярной кавалерии и захвачен в плен. Виноват... Никак не ожидал в нашем тылу... Даже пистолета при себе не было, одна шашка.

Теперь Варя рассмотрела страдальца получше. Он был невысок ростом, жилист, каштановые растрепавшиеся волосы, узкий, почти безгубый рот, строгие карие глаза. Вернее, один глаз, потому что

второго по-прежнему было не видно, но зато во взгляде капитана уже не было ни смертной тоски, ни отчаяния.

— Живы — и славно, — благодушно сказал Соболев. — А без пистолета офицеру нельзя, даже штабному. Это все равно что даме на улицу без шляпки выйти — за гулящую сочтут. — Он хохотнул, но, поймав сердитый Варин взгляд, поперхнулся. — Пардон, мадемуазель.

К генералу подошел лихой урядник и ткнул пальцем куда-то в сторону.

— Ваше превосходительство, кажись, Семенов!

Варя обернулась, и ее замутило: у куста невесть откуда появился бандитский гнедой, на котором давеча она так неудачно скакала. Гнедой как ни в чем не бывало щипал травку, а на боку у него по-прежнему покачивалась тошнотворная подвеска.

Соболев спрыгнул наземь, приблизился к коню, скептически прищурившись, повертел кошмарный шар и так и этак.

— Разве ж это Семенов? — усомнился он. — Врешь, Нечитайло. У Семенова лицо совсем другое.

— Да как же, Михал Дмитрич, — загорячился урядник. — Вон и ухо рваное, и вот, гляньте. — Он раздвинул мертвой голове фиолетовые губы. — И зуба переднего опять же нет. Точно Семенов!

— Пожалуй, — задумчиво кивнул генерал. — Эх его перекорежило. Это, Варвара Андреевна, казак из второй сотни, которого нынче утром похитили месхетинцы Дауд-бека, — пояснил он, оборачиваясь к Варе.

Но Варя не слышала — земля и небо совершили кульбит, поменявшись местами, и д'Эвре с Фандориным едва успели подхватить обмякшую барышню.

Глава третья, почти целиком посвященная восточному коварству

**«Ревю паризьен» (Париж),
15(3) июля 1877 г.**

«Герб Российской империи, двуглавый орел, превосходным образом отражает всю систему управления в этой стране, где всякое мало-мальски важное дело поручается не одной, а по меньшей мере двум инстанциям, которые мешают друг другу и ни за что не отвечают. То же происходит и в действующей армии. Формально главнокомандующим является великий князь Николай Николаевич, в настоящее время находящийся в деревне Царевницы, однако в непосредственной близости от его штаба, в городке

Бела, расквартирована ставка императора Александра II, при котором находятся канцлер, военный министр, шеф жандармов и прочие высшие сановники. Если учесть, что союзная румынская армия подчиняется собственному командующему в лице князя Карла Гогенцоллерна-Зигмарингена, на ум приходит уже не двуглавый царь пернатых, а остроумная русская басня про лебедя, рака и щуку, опрометчиво запряженных в один экипаж...»

— Так все-таки как к вам обращаться, «мадам» или «мадемуазель»? — неприятно скривив губы, спросил черный, как жук, жандармский подполковник. — Мы с вами не на балу, а в штабе армии, и я не комплименты вам говорю, а провожу допрос, так что извольте не финтить.

Звали подполковника Иван Харитонович Казанзаки, в Варино положение входить он решительно не желал, и дело явно шло к принудительной высылке в Россию.

Вчера до Царевниц добрались только к ночи. Фандорин немедленно отправился в штаб, а Варя, хоть и валилась с ног от усталости, занялась необходимым. Милосердные сестры из санитарного отряда баронессы Врейской дали ей одежду, согрели воды, и Варя сначала привела себя в порядок, а уже потом рухнула на лазаретную койку — благо раненых в госпитальных палатках почти не было. Встреча с Петей была отложена на завтра,

ибо во время предстоящего важного объяснения следовало быть во всеоружии.

Однако утром выспаться Варя не дали. Явились два жандарма в касках, при карабинах, и препроводили «именующую себя девицей Суворовой» напрямик в особую часть Западного отряда, даже не дав как следует причесаться.

И вот уже который час она пыталась объяснить бритому, бровастому мучителю в синем мундире, какого рода отношения связывают ее с шифровальщиком Петром Яблоновым.

— Господи, да вызовите Петра Афанасьевича, и он вам все подтвердит, — повторяла Варя, а подполковник снова на это отвечал:

— Всею свое время.

Особенно интересовали жандарма подробности ее встречи с «лицом, именующим себя титулярным советником Фандориным». Казанзаки записал и про видинского Юсуф-пашу, и про кофей с французским языком, и про выигранное в нарды освобождение. Больше всего подполковник оживился, когда узнал, что волонтер разговаривал с башибузуками по-турецки, и непременно хотел знать, как именно он говорил — с запинкой или без. На одно выяснение ерунды с запинкой ушло, наверное, не меньше получаса.

А когда Варя уже была на грани сухой, бесслезной истерики, дверь глинобитной хатенки,

где располагалась особая часть, внезапно распахнулась, и вошел, даже, скорее, вбежал, очень важный генерал, с начальственным выпученными глазами и пышными подусниками.

— Генерал-адъютант Мизинов, — зычно объявил он с порога, строго взглянув на подполковника. — Казанзаки?

Застигнутый врасплох жандарм вытянулся в струнку и зашлепал губами, а Варя во все глаза уставилась на главного сатрапа и палача свободы, каковым слыл у передовой молодежи начальник Третьего отделения и шеф жандармского корпуса Лаврентий Аркадьевич Мизинов.

— Так точно, ваше высокопревосходительство, — засипел Варин обидчик. — Жандармского корпуса подполковник Казанзаки. Ранее служил по Кишиневскому управлению, ныне назначен заведовать особой частью при штабе Западного отряда. Провожу допрос задержанной.

— Кто такая? — поднял бровь генерал и неодобрительно взглянул на Варю.

— Варвара Суворова. Утверждает, что прибыла частным порядком для встречи с женихом, шифровальщиком оперативного отдела Яблоновым.

— Суворова? — заинтересовался Мизинов. — Мы с вами не родственники? Мой прадед по материнской линии — Александр Васильевич

Суворов-Рымникский.

— Надеюсь, что не родственники, — отрезала Варя.

Сатрап понимающе усмехнулся и больше на задержанную внимания не обращал.

— Вы, Казанзаки, мне всякой чушью голову не морочьте. Где Фандорин? В донесении сказано, что он у вас.

— Так точно, содержится под стражей, — молодцевато отрапортовал подполковник и, понизив голос, добавил. — Имею основания полагать, что он-то и есть наш долгожданный гость Анвар-эфенди. Все один к одному, ваше высокопревосходительство. Про Осман-пашу и Плевну — явная дезинформация. И ведь как ловко завернул...

— Болван! — рявкнул Мизинов, да так грозно, что у подполковника голова уехала в плечи. — Немедленно доставить его сюда! Живо!

Казанзаки опрометью кинулся вон, а Варя вжалась в спинку стула, но взволнованный генерал про нее забыл. Он шумно пыхтел и нервно барабанил пальцами по столу до того самого мгновения, пока подполковник не вернулся с Фандориным.

Вид у волонтера был изможденный, под глазами залегли темные круги — видимо, спать минувшей ночью ему не довелось.

— 3-здравствуйте, Лаврентий Аркадьевич, — вяло сказал он, а Варя слегка поклонился.

— Боже, Фандорин, вы ли это? — ахнул сатрап. — Да вас просто не узнать. Постарели лет на десять! Садитесь, голубчик, я очень рад вас видеть.

Он усадил Эраста Петровича и сел сам, причем Варя оказалась у генерала за спиной, а Казанзак так и замер у порога, вытянувшись по стойке «смирно».

— В каком вы теперь состоянии? — спросил Мизинов. — Я хотел бы принести вам свои глубочайшие...

— Не стоит об этом, ваше высокопревосходительство, — вежливо, но решительно перебил Фандорин. — Я теперь в совершенном п-порядке. Лучше скажите, передал ли вам этот г-господин (он небрежно кивнул на подполковника) про Плевну. Ведь каждый час дорог.

— Да-да. У меня с собой приказ главнокомандующего, но я прежде желал убедиться, что это действительно вы. Вот, слушайте. — Он достал из кармана листок, вставил в глаз монокль и прочел.

«Начальнику Западного отряда генерал-лейтенанту барону Криденеру. Приказываю

занять Плевну и укрепиться там силами не менее дивизии.

Николай».

Фандорин кивнул.

— Подполковник, немедленно зашифровать и отправить Криденеру по телеграфу, — приказал Мизинов.

Казанзак почтительно взял листок и, звеня шпорами, побежал исполнять.

— Так стало быть, можете служить? — спросил генерал.

Эраст Петрович поморщился:

— Лаврентий Аркадьевич, ведь я, кажется, д-долг исполнил, про турецкий фланговый маневр сообщил. А воевать с бедной Турцией, которая и без наших доблестных усилий благополучно развалилась бы, — увольте.

— Не уволью, милостивый государь, не уволью! — засердился Мизинов. — Если для вас патриотизм — пустой звук, то позволю себе напомнить, что вы, господин титулярный советник, не в отставке, а всего лишь в бессрочном отпуску, и, хоть числитесь по дипломатическому ведомству, служите по-прежнему у меня, в Третьем отделении!

Варя слабо ахнула. Фандорин, которого она считала порядочным человеком, — полицейский агент? А еще Печорина из себя разыгрывает!

Интересная бледность, томный взор, благородная седина. Вот и доверяй после этого людям.

— Ваше в-высокопревосходительство, — тихо сказал Эраст Петрович, видно, и не подозревая, что безвозвратно погиб в Вариных глазах, — я служу не вам, а России. И в войне, которая для России бесполезна и даже губительна, участвовать не желаю.

— А насчет войны не вам решать и не мне. Решает государь император, — отрезал Мизинов.

Повисла неловкая пауза. Когда шеф жандармов снова заговорил, голос его звучал уже совсем по-другому.

— Эраст Петрович, голубчик, — проникновенно начал он. — Ведь сотни тысяч русских людей жизнью рискуют, страна под военной тяжестью в три погибели согнулась... У меня дурное предчувствие. Что-то уж больно все гладко идет. Боюсь, добром не кончится...

Когда ответа не последовало, генерал устало потер глаза и признался:

— Трудно мне, Фандорин, очень трудно. Кругом бестолковщина, бордель. Работников не хватает, особенно дельных. Я ведь не рутину на вас навесить хочу. Есть у меня задачка не из простых, в самый раз для вас.

Тут Эраст Петрович вопросительно наклонил голову, и генерал вкрадчиво произнес:

— Анвара-эфенди помните? Секретарь султана Абдул-Гамида. Ну, тот, что слегка промелькнул в деле «Азазеля»?

Эраст Петрович едва заметно вздрогнул, но промолчал. Мизинов хмыкнул:

— Ведь этот идиот Казанзаки вас за него принял, ей-богу. Имеем сведения, что сей интересный турок лично возглавляет секретную операцию против наших войск. Господин отчаянный, с авантюрной жилкой. Вполне может собственной персоной в нашем расположении объявиться, с него станется. Как, любопытно?

— Я вас с-слушаю, Лаврентий Аркадьевич, — покосившись на Варю, сказал Фандорин.

— Ну вот и отлично, — обрадовался Мизинов и крикнул. — Новгородцев! Папку!

Тихо ступая, вошел немолодой майор с адъютантскими аксельбантами, протянул генералу красный коленкоровый бювар и тут же удалился. Варя увидела в проеме потную физиономию подполковника Казанзаки и скорчила ему презрительно-насмешливую гримасу — так тебе и надо, садист, помаринуйся за дверью.

— Итак, вот то, чем мы располагаем об Анваре, — зашелестел страницами генерал. — Не угодно ли записать?

— Я запомню, — ответил Эраст Петрович.

— О раннем периоде данные крайне скудны.

Родился примерно тридцать пять лет назад. По некоторым сведениям, в боснийском мусульманском городишке Хевраис. Родители неизвестны. Воспитывался где-то в Европе, в одном из знаменитых учебных заведений леди Эстер, которую вы, разумеется, помните по истории с «Азазелем».

Второй раз Варя слышала это странное название, и второй раз Фандорин отреагировал странно — дернул подбородком так, словно ему вдруг стал тесен воротник.

— На поверхность Анвар-эфенди выплыл лет десять назад, когда в Европе впервые заговорили о великом турецком реформаторе Мидхат-паше. Наш Анвар, тогда еще никакой не эфенди, служил у него секретарем. Вот послушайте-ка, каков послужной список Мидхата. — Мизинов вынул отдельный лист и откашлялся. — В ту пору он был генерал-губернатором Дунайского вилайета. Под его покровительством Анвар открыл в этих краях дилижансное сообщение, построил железные дороги, а также учредил сеть «ислаххане» — благотворительных учебных заведений для детей-сирот как мусульманского, так и христианского вероисповедания.

— В с-самом деле? — заинтересовался Фандорин.

— Да. Похвальная инициатива, не правда ли?

Вообще Мидхат-паша с Анваром наделали здесь таких дел, что возникла серьезная угроза выхода Болгарии из зоны русского влияния. Наш посол в Константинополе Николай Павлович Гнатьев использовал все свое влияние на султана Абдул-Азиса и добился-таки, чтобы не в меру ретивого губернатора отозвали. Далее Мидхат сделался председателем Государственного Совета и провел закон о всеобщем народном образовании — замечательный закон, которого у нас в России, между прочим, до сих пор нет. Угадайте, кто разрабатывал закон? Правильно, Анвар-эфенди. Все это было бы очень трогательно, но кроме просветительства наш оппонент уже тогда всю участвовал в придворных интригах, благо врагов у его покровителя было предостаточно. Мидхату подсылали убийц, сыпали в кофе яд, однажды даже подсунули зараженную проказой наложницу, и в обязанности Анвара входило оберегать великого человека от всех этих милых шалостей. В тот раз русская партия при дворе оказалась сильнее, и в 1869 году пашу загнали генерал-губернатором в самую глушь, в дикую и нищую Месопотамию. Когда Мидхат попробовал ввести там реформы, в Багдаде вспыхнуло восстание. Знаете, что он сделал? Созвал городских старейшин и духовенство и произнес перед ними краткую речь следующего содержания. Читаю дословно, ибо искренне

восхищен энергией и стилем: «Почтенные муллы и старейшины, если через два часа беспорядки не прекратятся, я велю всех вас повесить, а славный город Багдад запалю с четырех сторон, и пускай потом великий падишах, да хранит его Аллах, меня тоже повесит за такое злодеяние». Естественно, через два часа в городе воцарился мир. — Мизинов хмыкнул, покачал головой. — Теперь можно было и приступить к реформам. Менее чем за три года губернаторства Мидхата его верный помощник Анвар-эфенди успел провести телеграф, открыть в Багдаде конку, пустить по Евфрату пароходы, учредить первую иракскую газету и набрать учеников в коммерческую школу. Каково? Я уж не говорю о таком пустяке, как создание акционерной «Османо-Османской корабельной компании», чьи суда ходят через Суэцкий канал до самого Лондона. Затем Анвару посредством очень хитрой интриги удалось свалить великого везира Махмуд Недима, который до такой степени зависел от российского посла, что турки прозвали его «Недимов». Мидхат возглавил султанское правительство, но продержался на высоком посту всего два с половиной месяца — наш Гнатъев опять его переиграл. Главный, и с точки зрения прочих пашей, совершенно непростительный порок Мидхата — неподкупность. Он затеял борьбу со взяточничеством и произнес перед европейскими

дипломатами фразу, которая его и погубила: «Пора показать Европе, что не все турки — жалкие проститутки». За «проституток» его турнули из Стамбула губернатором в Салоники. Сей греческий городишко немедленно начал процветать, а султанский двор вновь погрузился в сон, негу и казнокрадство.

— Я вижу, вы п-просто влюблены в этого человека, — прервал генерала Эраст Петрович.

— В Мидхата-то? Безусловно, — пожал плечами Мизинов. — И был бы счастлив видеть его главой российского правительства. Но он не русский, а турок. К тому же турок, ориентирующийся на Англию. Наши устремления противоположны, и потому Мидхат нам враг. Опаснейший из врагов. Европа нас не любит и боится, зато Мидхата носит на руках, особенно с тех пор, как он даровал Турции конституцию. А теперь, Эраст Петрович, наберитесь терпения. Я прочту вам пространное письмо, присланное мне еще в прошлом году Николаем Павловичем Гнатьевым. Оно даст вам яркое представление о противнике, с которым нам предстоит иметь дело.

Шеф жандармов извлек из бювара листы, мелко исписанные ровным писарским почерком, и приступил к чтению.

«Милый Лаврентий, события в нашем хранимом

Аллахом Стамбуле развиваются столь стремительно, что за ними не поспеваю даже я, а ведь твой покорный слуга, без ложной скромности, держал руку на пульсе Европейского Больного не один год. Пульс этот не без моих тщаний постепенно замирал и вскоре обещал вовсе остановиться, но с мая месяца...»

— Речь идет о прошлом, 1876, годе, — счел нужным вставить Мизинов.

«...но с мая месяца его залихорадило так, что того и гляди Босфор выйдет из берегов, стены Цареграда рухнут, и тебе не на что будет вешать свой щит.

А все дело в том, что в мае в столицу великого и несравненного султана Абдул-Азиса, Тени Всевышнего и Хранителя Веры, триумфально вернулся из ссылки Мидхат-паша и привез с собой своего «серого кардинала», хитроумного Анвара-эфенди.

На сей раз поумневший Анвар действовал наверняка — и по-европейскому, и по-восточному. Начал по-европейски: его агенты зачастили на верфи, в арсенал, на монетный двор — и рабочие, которым давным-давно не выплачивали жалованье, повалили на улицы. Затем последовал чисто восточный трюк. 25 мая Мидхат-паша объявил правоверным, что ему во сне явился Пророк (поди-ка проверь) и поручил своему рабу спасти гибнущую Турцию.

А тем временем мой добрый друг Абдул-Азис, как обычно, сидел у себя в гареме, наслаждаясь обществом любимой жены, прелестной Михри-ханум, которая была

на сносях, много капризничала и требовала, чтобы повелитель все время находился рядом. Эта золотоволосая, синеглазая черкешенка помимо неземной красоты прославилась еще и тем, что опустошила султанскую казну до самого доньшка. За один последний год она оставила во французских магазинах на Пере более десяти миллионов рублей, и вполне понятно, что константинопольцы, как сказали бы склонные к understatement ⁵ англичане, ее сильно недолюбливали.

Поверь мне, Лаврентий, я был не в силах что-либо изменить. Я заклинал, угрожал, интриговал, как евнух в гареме, но Абдул-Азис был глух и нем. 29 мая вокруг дворца Долма-бахче (преуродливое строение в европейско-восточном стиле) гудела многотысячная толпа, а падишах даже не попытался успокоить подданных — он заперся на женской половине своей резиденции, куда мне хода нет, и слушал, как Михри-ханум играет на фортепиано венские вальсы.

Тем временем Анвар безвылазно сидел у военного министра, склоняя этого осторожного и предусмотрительного господина к перемене политической ориентации. По донесению моего агента, который служил у паши поваром (отсюда специфический оттенок донесения), судьбоносные переговоры происходили так. Анвар приехал к министру ровно в полдень, и было велено подать кофе с чуреками.

⁵ чрезмерно сдержанное высказывание (англ. .)

Четверть часа спустя из кабинета министра раздался возмущенный рев его превосходительства, и адъютанты отвели Анвара на гауптвахту. Затем в течение получаса паша расхаживал по комнате в одиночестве и съел два блюда халвы, до которой был большой охотник. Далее он пожелал допросить изменника лично и отправился на гауптвахту. В половине третьего было велено принести фрукты и сласти. Без четверти четыре — коньяк и шампанское. В пятом часу, выпив кофе, паша с гостем уехали к Мидхату. По слухам, за участие в заговоре министру была обещана должность великого везира и миллион фунтов стерлингов от английских покровителей.

К вечеру два главных заговорщика отлично поладили, и той же ночью произошел государственный переворот. Флот блокировал дворец с моря, начальник столичного гарнизона заменил караул своими людьми, и султана вместе с матерью и беременной Михри-ханум перевезли на лодке во дворец Ферийе.

Четыре дня спустя султан стал подстригать себе бороду маникюрными ножницами, да так неудачно, что перерезал вены на обеих руках и немедленно скончался. Врачи европейских посольств, приглашенные освидетельствовать труп, единогласно признали, что произошло самоубийство. ибо решительно никаких следов борьбы на теле не обнаружилось. Одним словом, разыграно все было просто и изящно, как в хорошей шахматной партии, — таков уж стиль Анвара-эфенди.

Но то был только дебют, далее последовал миттельшпиль.

Военный министр сделал свое дело и теперь превратился в серьезную помеху, ибо к реформам и конституции ни малейшей склонности не имел, а более всего интересовался, когда же ему передадут обещанный Анваром миллион. Да и вообще военный министр вел себя так, будто он — главное лицо в правительстве, не уставая напоминать, что Абдул-Азиса сверг именно он, а вовсе не Мидхат.

В том же самом Анвар-эфенди убеждал одного бравого офицера, ранее служившего у покойного султана адъютантом. Звали офицера Гасан-бей, красавице Михри-ханум он приходился братом и у придворных прелестниц пользовался невероятной популярностью, ибо был очень недурен собой, отважен и превосходно исполнял итальянские арии. Все называли Гасан-бея просто Черкес.

Через несколько дней после того, как Абдул-Азис так неловко укоротил себе бороду, безутешная Михри-ханум разродилась мертвым ребенком и скончалась в страшных мучениях. Как раз к этому времени Анвар и Черкес стали закадычными приятелями. Как-то раз Гасан-бей зашел в резиденцию Мидхат-паши навестить друга. Анвара на месте не оказалось, зато к паше как раз съехались на совещание министры. К Черкесу в доме привыкли и принимали как своего. Он попил кофе с адъютантами, покурил, поболтал о всякой всячине. Потом лениво прошелся по коридору и внезапно рванулся в зал, где шло заседание. Мидхата и прочих сановников Гасан-бей не тронул, но военному министру всадил в грудь две пули из

револьвера, а потом добил старика ятаганом. Те министры, что поблагоразумней, кинулись наутек, но двое вздумали проявить героизм. И совершенно напрасно, ибо одного бешеный Черкес убил наповал, а второго тяжело ранил. Тут вернулся храбрый Мидхат-паша с двумя своими адъютантами. Гасан-бей застрелил их обоих, а Мидхата опять не тронул. В конце концов убийцу скрутили, но он еще успел прикончить полицейского офицера и ранить семерых солдат. Наш Анвар в это время благочестиво молился в мечети, чему есть многочисленные свидетели.

Ночь Гасан-бей провел под замком в караульном помещении, громко распевая арии из «Лючии де Ламермур», чем, говорят, привел Анвара-эфенди в полнейшее восхищение. Анвар даже пробовал выговорить доблестному злодею помилование, но озлобившиеся министры были непреклонны, и наутро убийцу повесили на дереве. Дамы из гарема, так горячо любившие своего Черкеса, пришли посмотреть на его казнь, горько плакали и посылали ему воздушные поцелуи.

И отныне никто больше Мидхату не мешал — кроме судьбы, которая нанесла ему удар с совершенно неожиданной стороны. Великого политика подвела его марионетка, новый султан Мурад.

Еще утром 31 мая, сразу после переворота, Мидхат-паша нанес визит племяннику свергнутого султана, принцу Мураду, чем несказанно сего последнего напугал. Тут необходимо сделать небольшое отступление, чтобы объяснить, насколько жалка в